

Роза Сергазиева

2012

ТОЧКА ВОЗВРАТА

серия
ЛЕСТНИЦА ВРЕМЕНИ

МОСКВА
2010

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Р11

Р11 **Р. Сергазиева**
2012. Точка возврата / Р. Сергазиева – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2015. – 260 с.

ISBN 978-5-4241-0037-6

Роман в жанре научной фантастики (серия «Лестница времени»).

Пытаясь расшифровать пророчество индейцев майя по поводу «Конца дней», с которым человечество столкнется 20 декабря 2012 года, ученые сформулировали три сценария развития событий. Первый, пессимистический, — в Землю врежется астероид. Второй, оптимистический, — состоится долгожданная встреча с инопланетянами. Третий — человек овладеет сверхспособностями и станет называться «хомо сапиенс сапиенс». А вдруг существует еще один вариант? Самый невероятный...

ISBN 978-5-4241-0037-6

© Lennex Corp, 2015
© Р. Сергазиева, 2015

ЧАСТЬ I

АЛЬФА-ПЕТЛЯ

Пролог

День предстоял долгий.

Нестерпимо жаркий, безумно влажный.

Расплавленный солнечный шар замер прямо над вершиной каменной пирамиды, словно раздумывал, двигаться ли дальше к горизонту или заставить распростертую у подножия землю трескаться от зноя еще активнее.

«Один... Два... Три..., - считал про себя старый жрец, медленно спускаясь по ступенькам. – Уф-ф. Остановка».

Икшефтус перевел дух и прислонился спиной к прохладным плитам. Дьявольской силы пекло, убивающее город внизу многолетней засухой, во внутренних лабиринтах каменного мешка практически не ощущалось. Мало того, до старика через некоторое время, игнорируя истончившуюся от долгого ношения ткань, которая служила жрецу одеждой, даже мог добраться холод. Высохшее тело при прикосновении к камню быстро теряло внутреннее тепло.

Сколько же точно лет Икшефтусу? Жрец приблизил к лицу правую ладонь, подвигал скособоченными от артрита пальцами: сквозь натянутую кожу цвета высохших стеблей кукурузы просвечивали дорожки набухших вен. Старик он и есть старик – колени практически не гнутся, глаза видят мир расплывчато, словно сквозь туман, дыхание вырывается из груди со свистом. Но Икшефтус может гордиться: его соплеменники-мужчины, если не погибали на охоте или не подхватывали какую-нибудь хворь, от рождения до момента, когда их освобожденный дух от-

правлялся в вечное путешествие к звездам по Млечному Пути, обычно проживали 52 туна. Жрецы тянули дольше, они общались с богами и могли уговорить последних о продлении жизни, поэтому добивались до цифры 70 и даже 80. Например, учитель Икшефтуса продержался целых 85 тунов. Но Икшефтусу, судя по всему, суждено побить рекорд наставника: еще весной перешагнул за черту в 100 тунов. И каждое утро ждал и надеялся, что звезды, наконец, призовут его усталый дух к себе. Неужели Небесные Властители забыли об одиноком индейце?

Нет, конечно, не забыли, вздохнул Икшефтус, и, оттолкнувшись от стены («Четыре... Пять... Шесть»), добавил к пройденному еще три ступеньки. Теперь перерыв требуется дольше. Половина спуска преодолена.

Икшефтус не может уйти к звездам, пока не выполнит возложенную на него миссию. Икшефтус – последний жрец великого народа майя. Именно он обязан сообщить человечеству, *когда* наступит «Конец дней».

Старик потянулся к краю свисающей с костлявых плеч тряпицы и протер слезящиеся глаза: ну за что ему такое наказание?

Икшефтус на самом деле никогда не стремился в жрецы, в храм бога Кетцалькоатля попал совершенно случайно – привел отец, чтобы сократить в семье количество голодных ртов. Настоятель тогда искал в помощники смышленного мальчика. Вокруг учителя крутилось с десятков юношей, которые готовили себя к жреческой службе. Икшефтус натачивал палочки для письма на песке, смешивал краски, которыми раскрашивались камни-календари, сопровождал школяров на занятия в обсерваторию. По спиральной лестнице затылок в затылок мальчишки поднимались в верхнее помещение. И пока жрец объяснял, как наблюдать за небом, что квадратные окна точно смотрят на точки восхода и захода Солнца в дни весеннего и осеннего равноденствия, зим-

него и летнего солнцестояния, Икшефтус, утомленный, дремал в прохладе.

Но однажды на их город Теотиуакан напал мор. Страшная болезнь смерчем промчалась по домам, отправляя души индейцев раньше времени в вечное путешествие к звездам. Настолько сильной и безжалостной оказалась хворь, что даже бог Кетцалькоатль не сумел защитить свой храм. Один за другим умерли ученики. За ними последовали взрослые служители храма. Остались только главный жрец и мальчик «подай-принеси». Настоятель призвал к себе Икшефтуса и наказал собираться в дальний путь: ему поручалось пройти через города до самой Чичен-Ицы и сообщить о том, что случилось в Теотиуакане.

«Семь... Восемь... Девять... Передохнем», - старик приложил ладонь к груди: сердце неистово колотилось. А ведь потом придется идти обратно, наверх. И почему древние предки сделали лестницы такими узкими, что может поместиться только один человек? Иначе Икшефтус давно оперся бы о плечо своего молодого помощника, который ждет сейчас с факелом в Зале Календарей.

Услышав от настоятеля, что предстоит долгая-долгая дорога до Чичен-Ицы, Икшефтус опустил глаза: жрец не должен догадаться, что поручение обрадовало служку. Да, весть, которую ему поручено доставить, конечно, трагическая, но благодаря ей мальчик, наконец, сможет вырваться из надоевшего храма и окажется в привычных джунглях. Впереди несколько месяцев – в меньшее время никак не уложиться – свободы. По пути он заглянет в деревню к родителям, по которым успел соскучиться, обнимет братьев и сестер, пообщается-подерется со старыми друзьями. Но радость первых дней свободы омрачилась бедой: на месте родной деревни торчали останки развалившихся хижин, голодные собаки рылись в отбросах. Такое впечатление, что жители в спешке бежали, побросав вещи и утварь. Земля вокруг, которую племя

отвоевало у джунглей под посевы кукурузы, высохла и покрылась беспорядочной сеткой трещин.

Икшефтус проходил деревни одну за другой, заглядывал в города и ужасался: вокруг стояла оглушающая тишина. Если раньше путник задолго до появления первых каменных строений мог услышать гул, который создавали тысячи живущих в городах индейцев, то теперь пирамиды выросли как немые призраки. Люди попадались, но только в джунглях, они так же, как Икшефтус, пытались найти живых и безумно боялись городов, сгорающих под солнцем.

Но самое тягостное впечатление произвела некогда величавая Чичен-Ица. Город оказался не просто пуст. Н некогда крепкие дома превратились в руины, их разграбили, словно тысячеголовый дракон разбросал камни и пожрал людей. Икшефтус, платая слезы, взобрался по ступеням на вершину пирамиды Кукулькан, вошел в венчающий ее некогда торжественный храм. Но лишь ветер гулял меж серых колонн. Вест о трагедии в Теотиуакане некому было донести. Ни одного жреца в городе Икшефтус не нашел.

И отправился в обратный путь.

Настоятель выслушал рассказ вернувшегося гонца, вздохнул и повел его через площадь к пирамиде Солнца. Потом все вверх, вверх, практически до самой вершины, а оттуда лабиринтом коридоров в Зал Календарей. Икшефтус привычно, как поступал раньше, послушно остановился у входа. Но жрец мягко подтолкнул мальчика к священной стене. Так Икшефтус стал единственным и в силу обстоятельств последним учеником последнего жреца-настоятеля. Старик принялся терпеливо объяснять новому слушателю правила математики, рассказывал про движение Солнца и Луны, учил читать старые и составлять новые календари. Но Икшефтус, от природы нелюбопытный и нерасторопный, сопел и пыхтел, тер слезившиеся глаза, слушал рассеянно, ковырял в носу,

складывал и вычитал с ошибками. Путал календари *хааб* и *тцолкин*, не понимая, почему нельзя обходиться одним. Настоятель скрипел зубами, злился, когда мальчик в очередной раз не мог сложить два числа, и даже нещадно сёк ленивца. Но потом, поохав, вновь принимался за объяснения, сознавая, что иного выхода нет. Икшефтус – последний из племени жрецов. И значит, именно ему, оболтусу и неучу, придется доверить главное знание майя – их тайное пророчество.

- Десять... Одиннадцать... Двенадцать! – выдохнул Икшефтус и ступил на золотой песок, устилавший пол в Зале Календарей.

И максимально, на сколько еще был способен, наследник жрецов выпрямил спину и вошел в освещенное горящим факелом помещение. Пред юным помощником Икшефтус должен выглядеть достойно, как и полагается хранителю многовековой тайны, исполнителю великой миссии. Подросток склонился в учтивом поклоне. Икшефтус прохромал (колено предательски заныло, дожда в любом случае не предвидится, почему же болит нога?) к священной стене. Ее украшал главный из длинного перечня календарь индейцев – Камень Судеб. Гигантский, раскрашенный яркими красками (в основном красной, золотой и голубой) круг, состоящий из нескольких, плотно прижатых друг к другу колец – в нем майянцы зашифровали даты пяти поворотных моментов в жизни человечества. Когда люди погибали и возрождались вновь. В центре оскалился лик Тонатиу – верховного Солнца пятой эры, ничто не может скрыться от его свирепого взгляда. Две божественные руки, больше похожие на страшные лапы с длинными когтями, украшены зелеными изумрудными браслетами. В каждой руке Тонатиу держит человеческое сердце, язык бога походит на лезвие – он требует жертвоприношений для непрерывности движения Солнца. Поколения индейцев дрожали перед Камнем Судеб, Камнем

Пяти Солнц человечества. Но сегодня его устрашающую красоту могут лицезреть только два представителя некогда могущественного и многочисленного племени майянцев: последний жрец и его помощник. Раз в год традиционно в День Красного Дракона (то есть как раз сегодня) они навещают Зал Календарей, жрец - чтобы поклониться главному камню, помощник - чтобы подновить потрескавшиеся краски, смести паутину.

Подросток укрепил факел в специальной подставке, вынул из кармана пучок соломы и начал протирать календарь.

Икшефтус скрюченными, плохо гнушимися пальцами провел по выдолбленным в стене холодным линиям. Последний жрец должен продемонстрировать хоть и единственному зрителю свою причастность к великой тайне. Указательный палец уперся в плоскую выемку. Своеобразный пробел в Линии Судеб. Лакуна, которую предстоит заполнить именно Икшефтусу.

Мальчик отбросил клочок сухой травы и, подпрыгивая, стал смахивать с углов переплетенные пыльные нити. Потом присел на корточки и дыханием сдул осевшую между значками пыль.

- Что тут написано? – ткнул он рукой в финальный отрезок текста и поднял голову к жрецу.

- «Конец дней», - торжественно произнес Икшефтус.

- Что означает «конец»? – мальчик отличался от сверстников, обитавших ныне в городе у подножия пирамиды, ребенок был надоедлив и болтлив.

- Напутствие предназначено тем, кто столкнется с бедой через много-много тунов, - уклончиво ответил последний жрец, потому что он и сам толком не знал смысл предсказания. У своего учителя не уточнял, так как трезво рассудил, что до часа «ноль» в любом случае не доживет. Как и этот настырный мальчик, и еще много его поколений потомков.

- А когда мы заполним пустую строчку? – мальчик выпрямился и поискал свободную лакуну: надо убедиться, что она никуда не убежала после их последнего посещения.

- Я уже объяснял тебе, - забыв про лоск величественности, которым обязан обладать настоящий жрец, цыкнул Икшефтус: как же надоел ему мальчишка, ребенок слишком много задает вопросов, - когда над Землю по велению бога Тонатиу вспыхнет Огненный Цветок.

- Но купол над головой бесконечен, - скривил губы непослушный подросток, махнув в сторону окна. – Хотя бы известно, в какой части неба зажжется факел?

- Там, где по ночам восходит Глаз Быка, - повторил Икшефтус то, что постоянно твердил ему учитель. – Священная Красная Звезда, которой веками поклонялись майя. И как только придет Новый Свет, я смогу просчитать точную дату «Конца дней».

- По-моему, ты давно проспал Небесный Цветок, - хмыкнул вредный мальчишка, - потому что «конец дней» давно наступил. Наше племя стало таким малочисленным.

- Проглоти свой язык, наглец, - сверкнул глазами старый жрец: вот с кем ему суждено проводить последние дни на этой земле. – Во-первых, после «Конца дней» вообще никого не останется, на всей планете. А во-вторых, Небесный Цветок будет таким огромным и ярким, что затмит Солнце и Луну. Подобное не пропустишь.

Если честно, жрец тоже не раз ломал голову: чем на самом деле окажется Небесный Цветок. Может, предки имели в виду мощную вспышку молнии? Икшефтус еще помнил серебристые шары, которые нависали над храмами, возвещая о неминуемом начале сезона дождей. Со страшным грохотом, словно одновременно ударили в тысячи барабанов, шары рассыпались множеством искр. Но вот уже несколько десятилетий молнии не прорезали воздух, как и перестали падать из облаков потоки воды.

В глубине души последний жрец боялся, что может пропустить рождение Небесного Цветка. Кстати, из-за подобных опасений Икшефтус и поселился в пирамиде, в помещениях на вершине, ближе к небу.

Чтобы прекратить дискуссию и не дать мальчику возможности задать очередные вопросы, на которые Икшефтус – в прошлом не очень аккуратный и любознательный ученик – не знал ответов, старик повернулся спиной к Камню Судеб и направился к ненавистой лестнице.

Ровно двенадцать истертых до скользкости льда ступеней вверх. Под тяжестью ступавших веками по ним жрецов в камнях образовались ямки. «Вот, даже камень по отношению ко времени не вечен, - пробормотал Икшефтус. - Как же наши предки заглядывали на тысячелетия вперед? Откуда узнали, что «Конец дней» неминуем?»

Плечи Икшефтуса опустились, словно на них давила ответственность перед потомками: он должен завершить Камень Судеб, сообщить человечеству финальную дату. И последний жрец справится с тяжелой миссией.

А пока... Поскорее бы добраться до своей комнаты и упасть на ложе. Его ждет целительный сон.

О чем еще мечтать столетнему старцу?..

Глава 1

День предстоял долгий.

Излишне суетный, предсказуемо нервный.

20 июня 2012 года Егор Лукошкин брился в ванной и перебирал, словно лепестки на ромашке отрывал, невеселые мысли. Каждый год в этот летний день накатывала хандра, хотелось ныть и жаловаться.

Потому что Лукошкин терпеть не мог дни рождения. Причем - в одинаковой степени неприятности как свои,